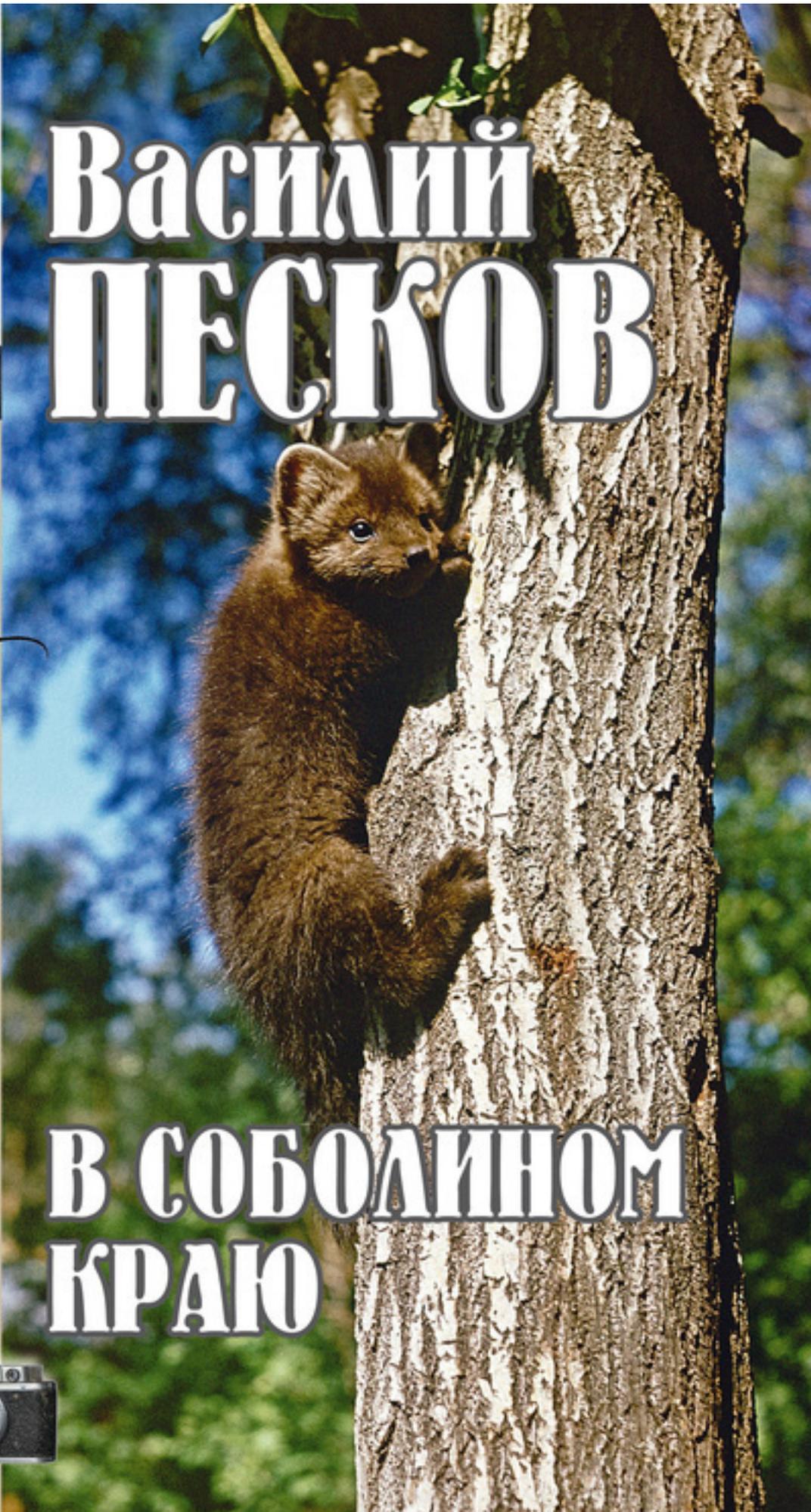

Василий ПЕСКОВ

*С радостью
Василий!*

Юлиан

В СОБОЛИНОМ КРАЮ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 1. В соболином краю**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 1. В соболином краю /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-850-1

В первый том собрания сочинений старейшего журналиста «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова, автора легендарной рубрики «Окно в природу», вошли его первые статьи, очерки и репортажи, опубликованные в «Комсомолке» в конце пятидесятых годов. Он писал об основных стройках страны, о рабочих людях, встретившихся ему в командировках. Уже тогда Василий Песков был прекрасным репортером и фотографом и нашел свой особенный стиль: не просто рассказ о людях и природе, но и обязательно – фоторассказ. Том включает в себя статьи за 1956–1959 годы.

ББК 94

Содержание

Предисловие	7
1956	9
Когда бушевали метели	11
Настоящие болельщики	15
Зеленый клад	17
Рождение лесного озера	20
Песни села Кольбелки	22
«Зеленые» берут верх	24
Классика физкультуры	26
Солнце под кистью	27
Целинный каравай	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий Песков
Полное собрание сочинений. Том
1. В соболином краю. 1956–1959

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Нелегко идти человеку, если ни одного следа не оставили до него на трудной дороге. Вернее, дороги еще нет. Ее приходится прокладывать. Но трудный путь сулит очень заманчивую цель».

В. Песков

Предисловие

Если официально, то Василий Михайлович Песков – один из старейших журналистов «Комсомольской правды», автор очерков и книг, телеведущий и путешественник.

Если не официально, то в редакции «Комсомольской правды», где он проработал с 1956 года, журналисты моего поколения (пришедшие в восьмидесятых годах прошлого века) звали его всегда Дедом, но – с почтением и невиданным пиететом. «Комсомолка» менялась, но его чудесные заметки и открытое им «Окно в природу» оставались многие десятилетия осью, вокруг которой если и происходили потрясения, то она-то все равно стояла прочно.

И когда Василий Михайлович появлялся в редакции, все знали, что будет новый стопроцентный материал, новый анекдот и новый хороший совет нам, начинающим. Он много чего видел и знал, и биография у него – интереснейшая.

Василий Михайлович родился 14 марта 1930 года в селе Орлово Воронежской области. Отец его был машинистом на паровозе, мама – крестьянкой. Он окончил среднюю школу и строительный техникум, потом работал пионервожатым, шофером, киномехаником. В юности увлекся фотографированием природы.

В 1953 году попробовал делать фотографии для воронежской газеты «Молодой коммунар». Но однажды написал очерк «Апрель в лесу», и его взяли в штат – корреспондентом.

А в «Комсомольскую правду» он перешел в 1956 году.

У него был свой собственный почерк, интонация и принципы, которым он не изменял все годы. Во-первых, как фотограф, он практически не делал ни одного материала без снимков. Уж если рассказывать о человеке ли, о таежном звере ли – читатель должен видеть героев. А не придумывать их мысленно.

Во-вторых, выпускник техникума, он так владел прекрасным, чистым, ясным и точным русским языком, что просто завидки берут. Это сейчас редкость невероятная...

В-третьих, он умел потрясающе удивляться увиденному. Вы еще это и сами заметите: и рыбаку, ловящему «на пуговицу», и простому деревенскому косарю, и маршалу, и космонавту, и бортнику. Он не умел писать без интереса к своим героям.

За годы работы в «Комсомолке» он сделал сотни таких репортажей. В частности, первым встретился с Юрием Гагариным и долгое время писал о покорении космоса.

Но главной темой творчества Пескова всегда была природа: его рубрика «Окно в природу» – одна из самых старых в газете.

Работал на телевидении – с 1975-го по 1990 годы был ведущим программы «В мире животных».

Василий Михайлович Песков написал несколько книг. За «Шаги по росе» (вышла в 1963 году) он был награжден Ленинской премией.

А еще – «Записки фоторепортера», «Аляска больше, чем вы думаете», «По дорогам Америки», «Война и люди», «Белые сны», «Отечество» и другие.

Но известнее всего, пожалуй, его «Таежный тупик», повесть о семье староверов Лыковых, живших более 40 лет в тайге, вдали от цивилизации.

Были у Василия Михайловича и награды кроме Ленинской премии: орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Он – лауреат премии Правительства Российской Федерации и удивительно справедливой применительно именно к нему – премии «Легенда отечественной журналистики» (2010 год).

Книга, которую вы сейчас будете читать, – первый том из собрания сочинений Василия Михайловича, которое мы издаем через год после его ухода...

Мы долго думали, какой принцип избрать для этого, и решили: пусть это будут в хронологическом порядке все его заметки, очерки, статьи, интервью, вышедшие в главной газете его жизни – «Комсомольской правде». С теми же заголовками.

Честно говоря, пришлось при создании этого собрания попотеть. Во-первых, Василий Михайлович написал почти две тысячи материалов. А во-вторых, вы заметите, что в первые годы – мало фотографий. Нет, в подшивках нашей газеты они, конечно, есть (как я уже сказал, он не писал заметок без фото), но в архивах Василия Михайловича многие из них не сохранились. Увы. Но нам очень хотелось, чтобы вы видели его героев. И потому в первом томе, простите уж нас, к некоторым заметкам будут не совсем качественные карточки – пришлось переснимать все, что хоть как-то подходило по качеству, из старых, желтых уже подшивок.

Зато к некоторым фотоснимкам, вышедшим в «Комсомолке» при его заметках, – вот удача! – мы смогли прибавить не публиковавшиеся фотографии из архива мастера, который разбирает сейчас внук Василия Михайловича Дмитрий.

Еще в первом томе те, кто читал Пескова в последние лет тридцать, удивятся, увидев «чисто советские, парадные» репортажи и зарисовки о героях строек СССР. Но обратите внимание: и тут Василий Михайлович умудрялся что-то особенное и необычное рассказать о людях, с которыми встречался даже по очень официальным поводам, типа пуска Братской ГЭС или Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Мы не сомневаемся – вас захватит это чтение. Мир Василия Михайловича Пескова сложен так, что он не стареет. Потому что, по сути, все, что рассказывает нам Песков, – это вечные истины и понятия: доброта, любовь, главное дело жизни, красота и прекрасные люди, которых он привел к своему читателю.

Доброго вам чтения!

Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

Когда бушевали метели

Суровая в этом году зима. В декабре и январе шел снег, выли метели. Оставит зверь в лесу следы, наутро их уже не видно. Позамело все тропинки, и казалось – богатая жизнь заповедника притихла, спряталась глубоко под снег.

В теплой норе спал отъевшийся за лето енот, домовитым бобрам было уютно в скрытых под снежной шубой домиках на болотистой глухой речке.

В феврале ударили морозы, да такие, что вековые липы и дубы лопались вдоль по стволу. Трудно стало жить в лесу тем животным, которые каждодневно должны были добывать себе пропитание. Больше корма в холодные дни требовалось запасливой белке, трудно стало лисицам. Почти метровую толщу снега надо было прорыть, чтобы поймать мышь. Нырнет лисица в сугроб – только рыжая метелка хвоста торчит над снегом...

Гибли птицы, застигнутые бескормницей и морозами. Они перекочевали из лесной глухомани на опушки, ближе к человеческому жилью. Но подлинная лесная драма разыгралась с оленями. Их в Воронежском заповеднике несколько сотен. За последние годы под охраной человека они расселились далеко по окрестным лесам. В малоснежные зимы олени легко находили прошлогоднюю траву, поедали молодые побеги кустарников, легко добирались к кормушкам с сеном. Этой же зимой не только что докопаться до травы и молодых побегов, даже передвигаться стало трудно.

Работники заповедника не позаботились наполнить с осени все кормушки сеном, и в конце февраля, когда ударили сильные морозы, стали находить трупы животных. В желудках оленей – лишь хвоя да жесткая кора деревьев.

Обычно пугливые и осторожные, олени стали появляться на железнодорожной линии и, не боясь свистков паровоза, подбирали случайно упавшую с платформ сахарную свеклу.

Раньше только счастливым доводилось увидеть в лесной чаще стройных красавцев. Теперь же робких оленей часто встречали на лесных дорогах. Они подходили вплотную к жилью. Скоро олени стали частыми гостями на скотных дворах, в прилегающем к заповеднику поселке Графском.

В это трудное время о лесных жителях позаботились школьники 61-й и 69-й железнодорожных школ станции Графской. Много тут было трогательных историй, но об одной хочется рассказать особо.

...Девятиклассник Коля Чубинский, юный натуралист из 69-й школы, отправился на лыжах в лес – подсыпать корм в расставленные по разным кварталам кормушки для птиц. Увлеченный прогулкой, он не заметил, как очутился в дальнем, глухом квартале заповедника. Он повернул было назад, но остановился, заметив свежие следы.

«Необычное соседство, – подумал Коля. – Почему это рядом с оленьим следом вьется ровной цепочкой лисий?»

Любопытство натуралиста заставило Колю пройти по следам километра три. Так вот в чем тайна! Утопая в снегу, с трудом пробираясь сквозь подлесок и бурелом, понурился, брела олениха. Бока у нее ввалились. Она еле передвигала ноги. Лисица почуяла близкую смерть животного и преследовала его, надеясь поживиться мясом, когда олениха ляжет. Олениха чувствовала опасность и поднималась, мотая головой, когда лисица уже намеревалась броситься к ней.

Коля стукнул палкой по дереву, лисица оглянулась и огненным шаром метнулась в чащу. Олениха тоже бросилась бежать, но после четырех-пяти прыжков грузно осела в сугроб, вытянув голову с большими печальными глазами.

– Кто ты – друг или еще более опасный враг? – казалось, вопрошали они.

Коля медленно, очень медленно, чтобы не спугнуть погибающее животное, стал подходить ближе. Через полчаса олениха уже подбирала шершавыми губами с Колиных ладоней приготовленный для птиц овес...

Стало смеркаться, когда Коля собрался в обратный путь, наломав и подложив оленихе тонкие ветки кустарника.

На следующее утро, приторочив сзади вязанку сена, наполнив карман овсом и взяв пакет с солью, он снова пустился в путь. Не ушла ли олениха из этого квартала? Нет, она лежала на том же месте, где он ее оставил, и сразу подняла голову навстречу гостю. Потом с жадностью стала лизать соль; как и вчера, съела весь овес. Сено Коля оставил у лежки.

Так продолжалось несколько дней. Олениха привыкла к ежедневному гостю и уже робкими шагами выходила навстречу из чащи на призыв: «Ленка! Ленка!»...

Ленка узнала Колю и осторожно подошла.

Свидания прервала вьюга.

– Сегодня в такую даль идти нельзя, – сказала мать.

– А как же Ленка? – забеспокоился Коля.

– Завтра метель утихнет, тогда пойдешь.

Но на другой день метель разыгралась с новой силой.

«Погибнет Ленка без еды», – сокрушался Коля, тайком от матери снаряжая лыжи и увязывая сено. В школе был разговор, что, почуяв легкую добычу, в заповедник перекочевали из степи волки.

«Если нападут, обессилевшая Ленка погибнет. А вдруг на меня нападут?». Коле сразу вспомнились рассказы о людях, растерзанных волками. Но тут же пришла на память и статья в журнале, где говорилось, что волки нападают на человека очень редко...

Пошел!.. Самым трудным оказалось не сбиться с дороги. Метель слепила глаза, и Коля порой ощупью находил протоптанную им раньше лыжню. Уже обессилевший, он подошел к старой лежке. Оленихи не было. Не было и следов, их замела метель. «Ленка! Ленка!» – звал Коля, не зная, куда направить лыжи. Под каждым сугробом чудился заметный снегом труп зверя. В ответ лишь ветер свистел в верхушках старых сосен. Потеряв надежду, Коля повернул было домой, и вдруг под тремя толстыми деревьями поднялась голова! Ленка! Олениха поднялась на ноги и лизнула мальчика в лицо...

Наутро метель утихла, но проплутавший в метель по снегу Коля слег в постель.

Мы встретились с ним, когда он уже оправился от болезни.

– Четыре дня Ленку не видел, – волновался Коля. – Что теперь с ней?

Запасшись кормом, биноклем и фотоаппаратом с телеобъективом для дальней съемки, мы отправились в глухой квартал. Ярко светило солнце, снег переливался тысячами искр. Идти было трудно. Лыжи тонули в снегу, запутывались в густом кустарнике, натыкались на поваленные деревья. Тут я понял, как трудно было шестнадцатилетнему мальчику пробираться одному в метель.

Олениху мы искали долго и, уже не надеясь встретить, начали фотографировать живописные уголки леса, как вдруг Коля замер и знаками стал показывать мне.

– Смотрите! – шептал он. – Стадо на лежке.

Я невольно повернулся, ветки у меня под ногами затрещали, и пять олених во главе с рогатым самцом бросились бежать. С минуту их головы виднелись над сугробами, потом исчезли.

– А, кажется, Ленка там! – сказал Коля.

Мы медленно пошли по следам и после получасового пути увидели в ложбине олених. Они стояли, насторожив уши.

– Ленка! Ленка! – позвал Коля.

Стадо бросилось бежать; олениха с пролежнями на боках тоже метнулась и вдруг остановилась.

– Ленка, Ленка! – позвал Коля.

Олениха узнала Колю, но, видно, боялась другого человека. Я осторожно отошел назад, и только с помощью телеобъектива мне удалось запечатлеть трогательную сцену встречи друзей.

...Домой едва дотащились. На лыжи налипали огромные комья размягшего под солнцем снега. Март вступил в свои права.

– Теперь олениха не одна, со стадом не пропадет. Да и тепло стало, – сказал мне на прощанье Коля.

Фото автора. 20 марта 1956 г.

Настоящие болельщики

В мае прошлого года случайно задержавшиеся после футбольного матча болельщики на стадионе «Динамо» заинтересовались необычной тренировкой. По полю бегали как будто футболисты, в воротах стоял вратарь. Но что это? Роковая для футболистов «рука» тут не штрафовалась. Наоборот, подбежавший к воротам игрок метнул мяч, да так ловко, что вратарю пришлось лезть за ним под сетку.

После тренировки группа молодых болельщиков окружила игроков и тренера. Посыпались со всех сторон вопросы.

– Говорите, нравится игра? Что ж, если нравится, приходите. Будем учить, – сказал тренер-общественник по ручному мячу Вадим Янушевский.

Так завязалась дружба учащихся воронежских школ и студентов лесотехнического вуза Станислава Доманина, Бориса Соловьева, Александра Грошева и их товарищей с тренером-общественником Вадимом Янушевским.

...На преподавателя технологии Янушевского некоторые «знатоки спорта» посмотрели как на прожектора:

– Развивать ручной мяч? Не выйдет! Где возьмешь тренеров, судей? Денег ведь на это не отпущено.

Первую команду Янушевский организовал в сельскохозяйственном институте. Ее тренировки привлекли завсегдаев стадионов. Игра понравилась молодежи. Наиболее активные ее поклонники были приглашены Янушевским на семинар.

Трудности работы первых активистов можно перечислять долго: тут и косность некоторых спортивных руководителей, видевших в игре лишние заботы, и еще несовершенно знание игры самими инструкторами – не все одинаково справлялись с поручениями.

Через месяц на рекламных щитах уже пестрели афиши: «Кубок города по ручному мячу». Это была проба сил. В играх участвовало всего восемь команд. Техника игры, как потом острили сами спортсмены, «хромала на обе руки», но команды сражались азартно, и главная цель – привлечь к ручному мячу внимание – была достигнута.

После розыгрыша кубка организовалась секция ручного мяча, и с ее деятельностью кое-кому из руководителей спорта приходилось теперь считаться. Члены секции стали выпускать стенную газету «Ручной мяч». Пропагандисты нового вида спорта с помощью обкома комсомола издали «Пособие по технике и тактике игры для физкультурников районов области». Скоро оттуда посыпались просьбы: «Приезжайте, помогите организовать команды». В отличие от футбола, требующего сравнительно дорогого снаряжения, команде ручного мяча нужны лишь майки, трусы и тапочки, местом состязаний может служить и футбольное поле, и площадка меньших размеров, и это особенно привлекло сельских физкультурников.

По путевкам обкома комсомола в районы выехала группа молодых тренеров. Их лекции слушали со вниманием, но самым полезным оказалось «показательное приложение» к ним. Придя на поле, «лектор» снимал ботинки и, оставшись в майке и трусах, демонстрировал все приемы игры, объяснял правила судейства. Так были созданы команды в районных центрах Елань-Колене, Острогожске, Павловске, Калаче.

В конце лета был объявлен розыгрыш кубка обкома комсомола по ручному мячу. Заявки подали двадцать пять коллективов. Это явилось проверкой работы общественных тренеров и судей. Сельские команды, как правило, оказывались слабее городских, однако не всегда. В финал неожиданно вышли игроки Павловского района. Они хотя и уступили кубок воронежским суворовцам, но показали себя достойными противниками.

Сезон закончился первенством вузов города, из которого победителем вышла команда сельскохозяйственного института. Теперь уже никто не сомневался в достоинствах новой игры.

В том, что ручной мяч «игра стоящая» и что ее хорошо приняла молодежь, нетрудно убедиться, заглянув в спортивный календарь области на предстоящий сезон. Ручному мячу здесь отведено место наравне с футболом и гимнастикой.

Приказом Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР за активную работу по созданию в области команд ручного мяча награждены почетными грамотами тренер-общественник Вадим Янушевский, первый секретарь Воронежского обкома ВЛКСМ Николай Журавлев и другие.

Этим летом намечены розыгрыши первенства области и кубка обкома ВЛКСМ для мужских и женских команд, первенства районов, соревнования юношеских команд на приз газеты «Молодой коммунар» и другие.

Воронеж. 26 апреля 1956 г.

Зеленый клад

Каждый раз, когда мне по делам службы приходится бывать в Бутурлиновском районе, я всегда стараюсь выкроить часок-другой и уж обязательно заверну к Ивану Петровичу Бутко. Домик Ивана Петровича приютился на самом берегу тихой речонки Осеред. Он утопает в густых зарослях вишенника и какого-то неведомого мне кустарника. Лохматая собака с лаем бросается навстречу, но, узнав меня, виновато бегаёт взад-вперед, пока я иду от калитки к дому. Сам хозяин обычно сидит на завалинке или работает в саду. После приветствия старик идет в амбар и в алюминиевой чашке приносит уцелевшие с прошлого года ароматные «бель-флер-китайки» или моченные по какому-то особому рецепту янтарные антоновки.

Иван Петрович – страстный садовод, и наш разговор всякий раз, после того, как выложены городские новости и дана «должная оценка международному положению», переходит к любимой нами обоими теме. Говорит больше Иван Петрович, я же с интересом слушаю нехитрые рассказы о том, как прижился в Сибири выведенный им сорт яблок, о нашествии зайцев в сад этой зимой, о том, сколько килограммов винограда было собрано с куста...

Рассказывает старик с увлечением, а когда видит, что я особенно чем-нибудь заинтересован, требует:

– Ты запиши, запиши. Этого, дружок, ни в какой книжке не найдешь.

Еще при первом знакомстве со стариком я узнал, что он в шестнадцать лет «понял красоту земли» и поставил перед собой цель: вырастить в родном селе Березовке виноград, помочь односельчанам посадить столько садов, «чтобы хат не было видно».

Воспоминания о том, как дерзкая мечта заставила шестнадцатилетнего парня ехать «зайцем» на Кавказ – добывать морозоустойчивый сорт винограда, как десять лет пришлось потратить потом, чтобы получить первую кисть, особенно интересны.

– Жизнь прожил не пустоцветом, – определяет пройденные годы Иван Петрович.

Выведено несколько сортов винограда, свои, «березовские» сорта яблок, слив, абрикосов. Уже будучи садоводом с большим опытом, он не переставал учиться. На сороковом году жизни ездил за советом к Мичурину.

В саду вы найдете все чудеса мичуринской гибридизации. Вот яблоня. На одном корне двенадцать разных сортов яблок. Яблоки разные по величине, вкусу и окраске. А вот ветка рябины, привитая на грушу, малина, вишни, смородина, полученные путем скрещивания, кропотливого отбора.

Проходя по этому саду, думаешь: как много может сделать человек, увлеченный мечтой «увеличить красоту земли». Какой это хороший пример для молодежи! Простой, полуграмотный человек, Иван Петрович Бутко не ставил перед собой научных целей, он думал только о том, чтобы его родное село было красивым и чтобы в садах было побольше культурных, полезных растений. Свою мечту он сделал целью жизни, овладел увлекательной профессией садовода, боролся с тысячами трудностей, был терпелив, непреклонен – и побеждал. Простой колхозник проделал десятки экспериментов, достойных ученого.

Война изменила облик Березовки. И хотя уже давно отстроены хаты, но нет в селе прежнего зеленого убранства. Только кое-где островками темнеют постаревшие сады.

– Года два назад еще терпел я эту картину, а теперь – нет, не могу смотреть равнодушно, – говорит старик. – Жизнь, куда ни посмотришь, в гору идет. С богатством село и красоту обрести должно, а нешто это красота, ежели с одного конца деревни видно, как на другом сосед до ветру пошел?

Печально видеть, что не все нынче знают цену «зеленому кладу». С горечью говорит Иван Петрович о молодежи Березовки, безразличной к облику своего села.

– Раньше как бывало? Хату человек еще не поставил, а уж сад посадил. Теперь же у дома молодой семьи часто можно видеть антенну радиоприемника, а вот яблоню не всегда встретишь.

Слушая старика, я думаю не только о Березовке. В Бутурлиновском районе есть село с ласковым, уютным названием Озерки. Но ожидание уюта рассеивается сразу же, как въезжаешь в него. Редко-редко увидишь здесь деревцо. Скучно, пустынно, даже тоскливо.

Как же так? В наших селах мало сейчас молодых людей, которые не окончили бы семилетку, а то и среднюю школу. Стало быть, все они знакомы с основами ботаники, с работами Мичурина, знают перекрестное опыление, гибридизацию и многое другое, а садов все-таки мало. Не значит ли это, что в школах не помогают понять молодым людям, как выражается Бутко, «красоту земли».

Эту мысль подтвердила поездка в село Козловку того же Бутурлиновского района. Трудно поверить, что оно находится в каких-нибудь десяти километрах от Озерков. Сады, сады. Больше молодые, посаженные два-три года назад. И сейчас по дороге из Бутурлиновского питомника сюда тянутся вереницы людей с молодыми деревцами, обвязанными у корня мешковиной. Говорят: в Козловке старые садоводческие традиции. Это верно. Но ведь во многих деревнях росли раньше сады. Значит, дело в том, чтобы уметь хранить хорошие традиции.

Спросите любого жителя Козловки, чей сад лучший на селе. Вам ответят: учителя Родиона Кирилловича Рогатиева. В Козловке у каждого учителя свой сад. Большой сад и возле школы. Это знаменательно. Как влияет на ребят личный пример учителя – каждому известно. Учитель может тратить сколько угодно слов о пользе садов, рассказывать о передовых методах их выращивания, но если, проходя мимо дома учителя, школьник видит, что сам он ничего, кроме картофеля и лука, не растит, вряд ли западут в душу ребенка хорошие слова о пользе зеленых насаждений.

Обидно слышать: семидесятилетние старики беспокоятся о зеленом облике села, а молодежь проходит мимо равнодушно.

В Бутурлиновке мне дали записку. Привожу ее полностью: «Тов. Саратовский и Бондарь. Спилите две груши у тов. Копия Ив. Св. Отвечать буду я. Председатель колхоза Спельник».

Это пишет безграмотный, никудышный человек. Прикрываясь борьбой за подъем сельского хозяйства, он для отапливания свинофермы вырубил в селе Марьевке колхозный сад и, как видно из этой записки, добирается до садов колхозников. Безусловно, он ответит за свои дела, но уничтожен сад! И это все делалось на глазах комсомольцев колхоза. Как же они допустили это? Неужели стук топора о вековые деревья не отозвался в их сердцах? Они создавали в свое время посты по борьбе с потерями урожая, а тут, как видно, духу не хватило стать к дереву и сказать: «Не дадим рубить!». Равнодушие погубило красоту села. А ведь там нынешним комсомольцам предстоит жизнь прожить.

Иван Петрович показал мне вырезанную из газеты заметку, где рассказывается о том, что в совхозах на целине комсомольцы сажают сады и им для поливки деревьев приходится возить воду за много километров. Не стыдно ли нам, хозяевам обжитого края, мириться с запустением наших сел?

Не каждый в деревне может быть таким страстным садоводом, как Бутко, но посадить у дома и бережно растить полтора-два десятка деревьев под силу любому человеку. Да почему бы в селах не появиться и таким пытливым садоводам-экспериментаторам, как Бутко? Сотни юношей и девушек, оканчивая школу, решают вопрос: кем быть? И диву даешься: как это они проходят мимо увлекательной профессии садовода?

Во многих колхозах сейчас посажены сады. Но молодежь в них не часто встретишь. Вот, к примеру, сад колхоза имени Кагановича в той же Березовке. Яблони, груши, сливы, виноград – все лучших сортов, собранное здесь руками хороших людей. Саду каких-нибудь пятнадцать – восемнадцать лет, но как он запущен! Трудно пройти от дерева к дереву – бурьян, чертополох,

дикий терновник. Старик-инвалид да еще двое пожилых колхозников работают в саду. Кое-как собирают они то, что может дать он без ухода, без подкормки, без большой культуры ведения хозяйства. Но даже и это составляет 40–45 тысяч рублей дохода.

Если сад очистить от бурьяна, окопать деревья, заложить угодники, по-настоящему взяться за выращивание винограда, заботливо ухаживать за деревьями, то, по самым скромным подсчетам, доход от сада повысится в пять раз.

Кто же должен отрыть этот клад в 150, 200, 500 тысяч, в миллионы рублей, который может дать сад в любом колхозе? Кто придет на смену Бутко и другим старикам-садоводам? Конечно же, молодежь!

Село должно быть таким, как мечтает Бутко: доходные сады, ряды деревьев на улицах, аллеи за околицей, зеленые коридоры вдоль дорог, ивы над речками и прудами...

Это будет зеленое царство с миллионами деревьев. Вырастить их мы сможем, если приложим к работе миллионы наших молодых рук. Работы не на одну «неделю сада». Мы должны выйти в большой многодневный поход за «зеленым кладом». Возьмем в этот поход нашу любовь к природе, знания, полученные в школе, опыт, накопленный нашими отцами и дедами, горячее стремление «увеличить красоту земли». В народе говорят: плохой человек, если не посадил дерева. Возьмем в поход эту поговорку.

Широким фронтом выйти на борьбу за зеленое богатство наших сел – прямой долг молодых наследников Мичурина.

Воронеж. 23 мая 1956 г.

Рождение лесного озера

К ребяташкам, бросавшим камешки в воду, подошел лесник. С минуту он наблюдал, как ловко брошенные ребятами лепешки сухой глины выделывают на зеркальной глади воды чечетку и тонут у того места, где в воду глядятся нарядные березы.

– А ведь летом этой воды не будет, – заметил лесник.

Кто-то из ребят хотел возразить: какую, мол, новость сказал, и сами знаем, что летом воды здесь остается с блюдце, но лесник опередил.

– Раньше в этом озере купались. Люди на гулянье сюда ходили. Вот если б сделать плотинку, чтобы вода не уходила из озера, да прочистить ключи, что впадают в него, тогда бы летом тут купаться, как и раньше, можно было бы. Одному человеку это не под силу, а сообща можно бы сохранить воду...

В этот же вечер у семиклассников 69-й школы станции Графская состоялось деловое совещание. А на другой день после занятий они направились в лес с тачками, носилками и лопатами. Выследившему их пятикласснику они многозначительно сказали:

– Строим ГЭС – только держи язык за зубами.

«Разведчик» видел, что никакой ГЭС «строители» строить не собираются – будет просто запруда в метр вышиной, однако не разочаровался и, конечно же, не стал «держат язык за зубами». Вся школа узнала, что семиклассники хотят удержать воду в лесном котловане. С тачками и лопатами в лес теперь направились целым отрядом.

Зачинатели работы Стась Брыксин, Саша Париной, Коля Бунин не стали возражать против вторжения в их «тайный союз строителей ГЭС» новых членов – одним все равно бы не справиться. И совсем успокоились, когда ребята единодушно присвоили им звания «прорабов».

На тачках возили песок, дерн. Ключ, вытекающий из озера, был остановлен. Рассчитывали, как велик будет уровень воды после дождей, выше этого уровня подняли запруду, посадили на ней молодые деревца, чтобы не размывало, прочистили текущие в ложбину чистые ключи.

Теперь будет работать новая для школы секция плавания. Придут к березкам у воды взрослые. Они скажут ребятам спасибо.

Фото автора. Воронежская область. 3 июня 1956 г.

Песни села Колыбелки

Ровно год назад в сенокос случилось мне плыть по Дону на пароходе. Ближе к полуночи остались мы на палубе вдвоем с капитаном. Он все время молчал, а когда из-за яра светлячками замигали огни какой-то деревни, тронул меня за руку:

– Послушайте, поют...

По взволнованному голосу я понял, что капитан уже не в первый раз слышит в этом месте песню.

– Как поют... Красота! – вздохнул капитан и добавил: – И сочиняют ведь сами...

– Как называется это село? – спросил я.

– Колыбелка, – отозвался капитан.

Колыбелка... Бывает вот так: останутся в памяти слово и песня. Песню услышишь – слово вспомнится, слово услышишь – песня придет на ум. Так было и на этот раз.

– Сейчас будет Колыбелка, – сказал мне шофер попутного грузовика, на котором мы добирались до районного центра Лиски. И тотчас же вспомнились ночь над Доном и девичья песня. Захотелось побывать в селе, а если придется – и увидеть певцов.

Был яркий, солнечный полдень, какие обычно стоят в сенокосную пору. Колыбелковцы, верные, видимо, старым традициям по-праздничному одеваться на сенокос, в ярких платьях и сарафанах, белых рубашках и платочках, с граблями и косами на плечах потянулись к куче деревьев, где вился сизый дымок колхозной кухни.

Здесь в обеденный перерыв я второй раз услышал песни колыбелковцев. Песни исполнял хор в народных костюмах, наспех надетых здесь же, за «кулисами» из двух рядом поставленных вожов сена. Только в самом начале концерта люди делились на певцов и слушателей. По мере того как песня овладевала слушателями, они тоже присоединяли к ней свои голоса.

Несколько песен мне были незнакомы.

– Это наш, колыбелковский, написал, – охотно поведал мне сосед-старик. – Виктор Козинцев. Вон он лежит у копны.

Тут, на сенокосе, я и познакомился со многими знаменитыми колыбелковскими певцами, с теми, кто, по словам старика, «песне рождение дает». Виктор Козинцев оказался школьным учителем. Сам он когда-то учился здесь же, в Колыбелке, у Ивана Филипповича Скорика.

Иван Филиппович принадлежит к той породе людей, которые жить без песни не могут. Эту страсть Иван Филиппович передает своим ученикам. А учеников у него за 30 лет работы в Колыбелковской школе было немало. Из них Виктор Козинцев оказался самым способным песенником.

Молодой учитель написал много песен. Слова тоже его. Где только не поют сейчас его песни – нежные, поэтичные! И называются они как-то особенно: «Наша светлая даль», «Утро берегом идет», «Тихий вечер мая».

Есть в Колыбелке и другой человек, влюбленный в песню и в свою скромную профессию заведующего клубом, – Наташа Недикова.

Я узнал, что зимой Наташа с помощью комсомольцев привела в порядок и хорошо украсила клуб. И каждый день здесь было что-нибудь интересное. Летом свой досуг молодежь проводит на воздухе. Наташа и тут сумела найти свое место. «Где Наташа, там и клуб», – говорят в Колыбелке. За длинный летний день девушку встретишь и на сенокосе, запевающую песню, и на полевом стане – с пачкой газет и журналов. Она успевает побывать везде: в летнем лагере животноводов, в будке у трактористов, на дальнем отгоне у пастухов.

– В каждом человеке есть свой огонек, – говорит Наташа. – Надо только поддержать его... У нас даже в самом маленьком коллективе свой организатор досуга, острослов, чтец, танцор, затейник, запевала...

Уезжал я из Колыбелки вечером. По пыльной дороге навстречу тянулись скрипучие возы сена. На последней подводе, спиной ко мне, сидел черный от загара парень с новенькой, видимо, недавно купленной гармошкой. Рядом с ним – две девушки в полинявших на солнце сарафанах. Парень, склонив голову набок, старательно отыскивал на клавишах нужные звуки. Девушки нестройно, вполголоса следовали за напевом.

Увидев, что я остановился и слушаю, обогнавший меня колхозник, как бы извиняясь, сказал:

– Наши, колыбелковские. Учатся... – и добавил: – А песня у них обязательно получится...

Фото автора. 5 августа 1956 г.

«Зеленые» берут верх

– Телеграмма! Телеграмма от министра!

Не часто приходят на стройку телеграммы от министра, а ребята, которым от роду всего по 18 лет, может, ни разу в жизни еще не видели телеграммы с ярко-красной надписью: «Правительственная». Телеграмма побывала в конторе, обошла уже не одну бригаду и теперь попала к каменщикам. Подошел бригадир Александр Тимофеевич Медведьев:

– Не томи, Колюха, читай!

«Сердечно поздравляю коллектив строителей первого управления треста «Электростальстрой» с победой в соревновании, присуждением переходящего Красного знамени министерства и премии в 78 тысяч рублей...».

– Вот ты, Колька, нас первый обрадовал телеграммой, – заговорил озорным голосом Володя Букин. – А если бы ты, Скальченков, вдруг стал министром и тебе в телеграмме надо было бы назвать самых лучших по именам, кого бы ты похвалил?

– Если бы я был министром, – опередил Колю Саша Базаров, – первую премию и сто спасибо отвалил бы Ивану Ивановичу Сорокину. Вспомните, как здорово он наладил со своей бригадой установку крупнопанельных перегородок. А рационализаций у кого больше? В его бригаде.

С этим мнением все согласились. Далее пошли имена плотников из бригады Семена Зубака, бетонщиков с производственной базы, поставлявших на стройку сборный железобетон, маляров.

– Ну, а вы, Александр Тимофеевич, кого бы помянули? – окликнул бригадира паренек с льяными волосами – Петя Коровин.

– Уж я бы вас не обидел, – понял намек старый бригадир.

Электросталь – город большой стройки. За последние годы для рабочих местных заводов сдано 150 тысяч квадратных метров жилья. На пятилетку запланировано еще 198 тысяч. На стройке выросло целое поколение молодых строителей.

Второй месяц красный вымпел «Лучшей бригаде» развевается на объекте, где работают молодые каменщики. Все, кто проходит мимо, знают: тут работают лучшие люди стройки – комсомольцы Петр Коровин, Александр Базаров, Владимир Букин, Николай Скальченков, Юрий Павлов, всего 32 человека.

На снимке (слева направо): П. Коровин, А. Базаров, В. Букин, Н. Скальченков.

В шутку друзья эту передовую на стройке бригаду называют «зеленые». А появилось это странное на первый взгляд прозвище года полтора назад, когда только что окончившие ремесленное училище хлопцы пришли на стройку. Тяжелое это было время и для самих ребят и для бригадира, которому их «подсунули»: за день едва полкубометра кладки делали, да и это часто в брак шло. Зарабатывали мало, бежать со стройки собирались. В довершение всего появилась в городской газете заметка: «Самая отстающая бригада». Каково было читать ее старому мастеру, привыкшему за двадцать лет работы на стройке только к благодарностям? Но на собрании, где обсуждалась заметка, он занял неожиданную позицию:

– Ничего, выправимся. Ведь ребята-то, посмотрите на них, зеленые еще.

И кто знает, может быть, с этого вечера Александр Тимофеевич и стал для ребят «дядей Сашей», а дела в бригаде в гору пошли.

Можно было бы долго рассказывать, как нелегко было старому каменщику воспитывать «зеленых». Но многое теперь уже позади.

– Хорошие работники растут, – говорит бригадир. – Все молодцы! По характеру, как эти вот пять пальцев, разные. Володька Букин собирается в вечерний техникум, но трусит – надо нам сообща подбодрить парня. Сашка Базаров – фантазер, мечтает купить «Москвича». Я не отговариваю, пусть мечтает. Может, и вправду купит.

Знает Александр Тимофеевич, кто из ребят собирается жениться, кто хочет поехать на целину, а кто мечтает путешествовать по Крыму. Знает он, какое место занял на соревнованиях в Москве боксер Юрий Павлов. И уж, конечно, до тонкости изучил ребят в работе. На стройке не просто выработать полторы нормы в смену. Но в бригаде каменщиков рядом с флажком «За первенство» каждый вечер вывешиваются цифры: «150 процентов»...

Заканчивая этот репортаж, хочется продолжить разговор ребят в связи с телеграммой министра. Если бы в ней действительно пришлось проставить имена лучших, то одной из первых в списке должна была бы стоять фамилия славного рабочего, талантливого воспитателя «зеленых» Александра Тимофеевича Медведьева.

Фото автора. 9 августа 1956 г.

Классика физкультуры

Любят играть в лапту в селе Красном.

Этот вид спорта не был представлен на Спартакиаде. И все же стоит сказать несколько теплых слов об игре, которую можно назвать «классикой физкультуры», игре, в которую играли в деревне наши деды, да и сейчас ее многие любят.

Как только сходит снег, ребяташки отыскивают тугой мяч, вырезают прочную палку. Игра в лапту началась!

Да что ребяташки! По праздникам за околицу села собираются нарядные парни, девушки. Порой, глядя на молодежь, не выдерживают и люди преклонных лет. В азартной, увлекательной игре проверяются удаля, сноровка, выносливость.

Лапта – подлинно народная массовая игра. Однако в последние годы о ней почему-то забыли. А зря. Игра интересная, а главное, полезная. Что требуется от игрока в лапту? Сильно и метко бить палкой по мячу, быстро бегать, без промаха посылать мяч в бегущего противника. Стало быть, человек получает разностороннюю физическую подготовку.

Для лапты не требуются спортивные сооружения, инвентарь, инструкторы. Нужен только хороший организатор. Таким, например, стал в селе Красное Бутурлиновского района Воронежской области секретарь колхозных комсомольцев Дмитрий Самойленко. Он сумел увлечь игрой всю молодежь. Лапта стала непременной на всех сельских праздниках.

Лапта стоит того, чтобы ее пропагандировать в специальной спортивной литературе, посвятить ей красочные плакаты.

Фото автора. 9 сентября 1956 г.

Солнце под кистью

Хороша минута, когда закончена работа и можно порадоваться делу рук своих. На этом снимке вы видите бригадира маляров Шуру Фроликову. Ей немногим больше двадцати лет, но имя ее хорошо знают на стройках города Электростали.

Недавно комиссия принимала пятиэтажный дом с большим магазином в первом этаже. Люди в комиссии придирчивые, склонные больше взыскивать, чем хвалить, но тут они пожелали увидеть мастера и сказать ему спасибо: так добротнo и красиво было отделано помещение магазина.

Председатель горисполкома крепко пожал девушке руку, а старый маляр, член комиссии, растрогавшись, расцеловал Шуру.

– Молодец, Шура, на большую дорогу вышла, – сказал он.

Шура хорошо поняла старого маляра. Еще девчонкой не раз она наблюдала, как где-нибудь на пятом этаже, пристроившись в зыбкой люльке, маляры красили стены. И всегда было приятно видеть, как под кистью маляров стены дома становятся нарядными, светлыми, словно на них солнышко брызнуло своими лучами. Может быть, с этого времени Шура любила запах краски и веселую, праздничную работу маляра. Подруги в школе мечтали стать киноактрисами, врачами и посмеялись над Шурой, когда она однажды призналась, что думает стать маляром.

Повзрослев, подруги поняли, что не все могут стать киноактрисами, и пошли на завод. Потянулась за ними и Шура...

Хорошая профессия – токарь! Не последней работницей была Шура на заводе в Ногинске. Но, возвращаясь домой, она ловила себя на том, что идет более длинной дорогой, лишь бы пройти мимо стройки. Дразнили запахи свежеструганных досок, олифы в кладовке маляров...

– Не прогадаешь, Шура? – спросил начальник отдела кадров завода, давая девушке обходной лист расчета.

– Думаю, что нет, – возможно уверенней старалась ответить Шура. Ведь на стройку ее брали пока разнорабочей.

Если человек упорно стремится к своей цели, он непременно ее достигнет. Шура стала работать в бригаде маляров, а через год уже была лучшим маляром стройки.

В прошлом году ее послали учиться в школу мастеров при Харьковском строительном техникуме. За год девушка освоила передовые приемы труда и увезла домой свидетельство мастера с отличными оценками.

Теперь Шура хорошо знает штукатурные и лепные работы, может выполнять сложную роспись потолков и стен. Глядя на ее работу, порой трудно сказать, где кончается маляр и начинается художник. О плохих художниках говорят: он маляр. О талантливом маляре комсомолке Шуре Фроликовой хочется сказать: это художник.

Фото автора. 14 сентября 1956 г.

Целинный каравай

Матери вздыхали и подносили к глазам платочки, а ребята плясали и пели возле вагонов. Так начиналась целина. Потом палатки, костры бессонных ночей, первая борозда, прямая и длинная-длинная...

Мне несколько раз пришлось быть на целине. Много волнующих впечатлений оставил день первой борозды. Обветренные лица трактористов, земля, перемешанная с ковылем, косою полет спугнутых орлов. Но самые яркие воспоминания о целине связаны с первым урожаем. Все было окрашено только в две краски. Голубое небо и желтая пшеница. Пуды, вагоны, составы хлеба качались под степным ветром.

На ссыпном пункте девушка, проверявшая влажность зерна, казалась смелой альпинисткой, покорившей желтую гору. Не хватало людей, машин, поездов, чтобы взять у земли щедрую плату за первую трудную весну, за ночлеги под звездами, за кровавые мозоли на руках, за все лишения первого целинного года...

В блокнотах записки событий, интересных встреч, фотографии людей, ставших героями. Я видел этих людей в промасленных фуфайках, с воспаленными глазами и нарядных, с золотыми звездами на груди, когда они шли по просторным кремлевским залам. Очень интересные люди, очень интересные судьбы! Но, перебирая негативы, я намеренно выбрал самого обыкновенного парня. Настолько обыкновенного, что в свое время я не догадался записать его фамилию. И все-таки хорошо помню его. Веселый, с непокрытой головой, закатанными выше локтя рукавами. Звали его Митроша. В шутку к имени прибавляли еще и прозвище «Ключ». Так и говорили: «Митроша Ключ». За что такое странное прозвище? Может, за то, что он каждую свободную минуту с ключом в руках «ослушивал» свою машину, а может, прозвище имело другой смысл: ключ – родник...

Был самый разгар уборки. Я жил в палатке вместе с целинниками и приехавшими им на помощь студентами из Омска. Работа не утихала и ночью. Шоферы едва-едва успевали увозить хлеб из-под комбайнов. Возле палаток росли пшеничные горы. И вдруг у этих хлебных гор мы остались без хлеба.

Снабжавшая нас пекарня неожиданно стала на ремонт. Сказали, что хлеба не будет неделю. До города триста с лишним километров – разве можно гнать туда машину, если каждый час на учете? Добыли мешок муки, – но что с ней делать? В лагере все молодые и почти

все горожане – хлеб ели из магазина и, конечно, не знали, как его пекут. Попробовали делать лепешки. Но они напоминали каучуковую подошву от ботинок. Приуныли ребята – за обедом ведь хлеб всему голова...

* * *

На четвертый день утром, когда собрались завтракать, на столе неожиданно появился большой каравай еще теплого хлеба. Румяная потрескавшаяся корочка и запах!.. Все признались, что никогда не пробовали хлеба вкуснее. Тут же всем был представлен и пекарь. Это был Митроша. Оказывается, с самого вечера он возился на кухне. Каким-то чудом заквасил тесто, прямо в земле соорудил подобие печки с глиняной «духовкой». За два дня Митроша научил печь хлеб и повариху, и двух других девушек...

До сих пор помню пахнувший дымком хлеб из первого целинного урожая. И портрет Митроши у меня, к счастью, сохранился. Снял я шофера во время полевого обеда. Заметив в руках у меня аппарат, Митроша лукаво прищурился.

– Сделай милость, увековечь!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.